

(«сыновья персоны» или просто «люди»), просто свободные («мушкену» — «низшие») и рабы»¹. Поэтому Б. А. Тураев и не побоялся, подобно Эд. Мейеру, изложить в первом разделе своей «Истории древнего Востока» процесс развития не египетского, а вавилонского общества, ввиду более широкого влияния на окружающий мир вавилонской культуры, в том числе и в области права². Эд. Мейер, как известно, изложил в первом разделе своей «Истории древнего мира» историю Египта, хотя здесь не имелись судебники, частноправовые документы и громадное количество хозяйственных текстов, которые могут дать сравнительно легко познание экономики и структуры древневосточного общества.

Таким образом строгая методичность спасала Б. А. Тураева от модернистских перегибов исторической концепции Эд. Мейера и вместе с тем сделала его «Историю древнего Востока» неоценимой сокровищницей фактических данных для советских исследований, посвященных этому периоду всемирной истории.

В этом громадное значение научного наследия Б. А. Тураева. Советская историческая наука, овладевающая могучим оружием марксистско-ленинской методологии, подняла и историю древнего Востока на гораздо более высокую ступень и преодолела методологические пороки «Истории древнего Востока» Б. А. Тураева. Его идеалистическое мировоззрение заставляло его отводить чрезмерно преувеличенную роль религии в истории и оставлять без внимания вопросы экономики и социальных отношений.

Было бы напрасно искать в трудах Б. А. Тураева материалистического осмысления истории древнего Востока,—этого он дать не мог. Но тот громадный материал источников,—исследованных, интерпретированных и переведенных на русский язык,—которым обогатил русскую науку Б. А. Тураев, представляют большую ценность. Советские ученые, используя результаты громадного творческого труда Б. А. Тураева, всегда будут ценить его как одного из виднейших представителей дореволюционной русской науки.

Акад. В. В. Струве

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

(Критический обзор историографии вопроса)

Значение времени Нерона в истории отношений между Римской империей и Востоком вряд ли можно переоценить. Именно в эти годы происходят решительные изменения в политике империи по отношению к восточным областям римского мира. В то время, как Юлии и Клавдии предпочитали опираться на зависимых царей и довольствоваться незначительными военными силами на восточной границе, то при Флавиях и Траяне эта система подверглась полному преобразованию. Зависимые царства постепенно исчезают с политической карты римского Востока. В отношениях с Арменией и Парфией происходит перелом, разделяющий на два периода всю восточную политику ранней империи: если планы Сенеки и Бурра относительно Армении следуют системе Августа, который удерживал страну в повиновении при помощи римского ставленника на ее престоле, то в итоге деятельности римского полководца Гнея Домиция Корбулона и на рфянско-

¹ «История древнего Востока», I, стр. 106.

² Там же, стр. 71 и 113.

го царя Вологеса Армения оказывается фактически зависимой от Парфии, сохраняя при этом номинальную зависимость от Рима. Этот порядок держится, с небольшим перерывом при Траяне, более столетия. В последние годы правления Нерона появляются широкие замыслы завоеваний и развивается деятельная подготовка к будущим походам, прерванная иудейским восстанием и гражданской войной. На северо-востоке империя сталкивается с растущим напором кочевников, и правительство Нерона вынуждено принимать меры по защите эллино-римского рабовладельческого мира против могучих волн варварского нашествия. Правление Нерона затронуло все стороны восточной политики: между Августом и Траяном не было другого принцепса, время которого оставило бы столь глубокий след в истории стран Востока.

До тех пор, пока исследователи истории Рима шли вслед за Тацитом и история империи сводилась к истории императоров, историография восточной политики не выходила за рамки простого изложения событий. Только с середины XIX в. в связи с изучением жизни провинций начинается специальное исследование восточной политики нероновского принцепата.

Со времени Моммзена вопросу о восточной политике Рима при Нероне был посвящен ряд работ, причем все они органически связаны друг с другом. Изучение их интересно не только для разрешения этой частной проблемы: в них нашли яркое отражение те общие концепции, которые господствовали в западной историографии конца XIX и начала XX вв. В силу своих общих положений историки восточной политики Рима приходили в ряде случаев к ошибочной интерпретации источников и к неверным выводам. Поэтому для изучения восточной политики Рима при Нероне в советской науке настоятельно требуется, новый пересмотр источников. Кое-что в этом направлении уже сделано, например в статье Я. А. Манаджяна¹, которая, однако, затрагивает лишь один из частных вопросов этой проблемы.

С другой стороны, некоторые общие работы или работы, посвященные смежным вопросам римской истории, продолжают находиться под довольно заметным влиянием западноевропейских концепций восточной политики нероновского принцепата, в частности, концепции Шура. Вследствие этого изучение истории вопроса является весьма своевременным.

В западноевропейской историографии восточной политики Нерона отразились различные течения исторической мысли, сменявшиеся за последние пятьдесят лет. Весьма распространенное стирание границ между античным миром и современной Европой повело к преувеличению значения торговых путей в восточной политике Нерона, особенно характерному для историков последнего времени: Корнеманна и Шура. Модернизация античной экономики переходит в модернизацию политическую: Римская империя наделяется чертами современного государства, ее политика оказывается направляемой исключительно из центра, развивающейся по строго определенному плану и неизменной. Политика выступает при этом как выражение отвлеченной идеи государственного интереса, без учета того, какие силы, какие слои правящего класса были заинтересованы в тех или иных ее изгибах: внешняя история оторвана от внутренней. Международные отношения великих держав древности изучаются не на основании норм того времени, а с точки зрения отвлеченного права всех времен и на родов, являющегося в конце концов абстракцией международного права XIX—XX столетий. История восточной политики прослеживается почти исключительно с римской точки зрения: внутренняя история противников Рима и самостоятельное развитие их политики выпадают из поля зрения историков. Этот характерный для некоторых представителей буржуазной науки романоцентризм представляет собой проекцию современного политического и культурного европоцентризма в древний мир: политическая гегемония Рима над

¹ Я. А. Манаджян, Цель и направление подготовлявшегося Нероном кавказского похода, ВИ, 1946, № 7, стр. 66—74.

Средиземноморьем оказывается прообразом мирового господства капиталистической Европы. Сильно преувеличивается роль личности: почти каждый историк выбирает себе каких-либо героев: одни—Сенеку и Бурра, другие—Нерона или Корбулона,— и развитие римских мероприятий на Востоке приписывает их замыслам. При этом продолжает сохранять значение апологетическое направление, развившееся во французской и немецкой историографии во второй половине XIX в., представители которого выступают на защиту отдельных носителей императорской власти. Все эти тенденции затрудняют историческое изучение римской восточной политики, выяснение ее подлинных движущих сил.

В том «Римской истории» Моммзена вышел в 1885 г. Приступая к изучению истории империи, Моммзен, скептически оценивая римскую историческую традицию императорской эпохи, отказывается от изображения общего хода римской истории за этот период. Вместо этого он последовательно излагает историю отдельных провинций от Цезаря до Диоклетиана. Моммзену удалось выделить три основных театра военных действий и проследить их историю на протяжении трех столетий империи. Всенные границы римской державы жили в значительной мере самостоятельной жизнью, и их история протекала нередко независимо от центра; история империи, излагаемая по императорам, упускает из виду самостоятельное развитие пограничных проблем. Схема Моммзена была плодотворна для изучения внешней политики этого периода, когда Риму приходилось вести только местные войны, которые не затрагивали всего государства в целом, но отражались лишь на отдельных частях римского мира (М о м м з е н, V, стр. XI).

Изучение отдельных областей римского мира помогло Моммзену впервые обратить внимание на цепь зависимых царств как на систему обороны границ империи, которая должна была предохранять непосредственные владения римского народа от иноземных государств и племен. Моммзен указал на незначительность всенных сил, которыми империя располагала на Востоке (V, 362), следствием чего была неспособность Рима к энергичной внешней политике в этом направлении.

Систематическое изучение событий, которые развертывались на евфратской границе, заставило Моммзена обратить должное внимание на время Нерона, указать на своеобразие восточной политики нероновского принципата и на переломный характер соглашения с Тиридатом.

Однако подобная схема имела и глубоко отрицательные последствия. Отказ от изучения истории метрополии в императорский период привел Моммзена к неверной оценке движущих сил восточной политики нероновского правительства и даже к неправильному представлению о ее целях. Игнорируя борьбу социальных группировок внутри римского правящего класса, Моммзен сводит изменения, произошедшие в курсе восточной политики Рима за время Нерона, к кабинетной политической мудрости Сенеки и Бурра, которые выступают у Моммзена как смелые зачинатели нового направления. Именно Сенеке и Бурру Моммзен приписывает неизменное с самого начала стремление отделаться от Армении путем уступки ее Тиридату (V, 374—5). Выводя политику Сенеки и Бурра из отвлеченной идеи государственного блага. Моммзен с неизбежностью вкладывает им в головы мысль о бесполезности Армении для Рима, сложившуюся у него под влиянием изучения восточной политики империи на всем ее протяжении. Вместо того, чтобы показать, как римское правительство было силой обстоятельств пригнано к окончательному решению, Моммзен превращает конечный результат парфянской политики нероновского принципата в ее начальную цель и придает этой политике несуществующую целеустремленность.

К основному выводу о целях парфянской политики Сенеки и Бурра Моммзена привели и другие элементы его концепции. Оценивая общее состояние империи при Юлиях и Клавдиях, Моммзен полагает, что Рим не стремится к захвату новых земель и что наступательные войны против Парфии объясняются только нежеланием его допустить существование другой великой державы в мире (V, 348). Моммзен показывает, как Клавдий распространял римское влияние на Востоке при помощи дипломатии (V, 369—71), и полагает, что компромиссная политика Сенеки и Бурра является естест-

венным продолжением политики Клавдия. Не принимая во внимание борьбы внутри римского правящего класса, Моммзен вследствие этого не заметил колебаний римской политики на Востоке и придал ей чересчур прямолинейный характер. Идея бесполезности Армении для Рима вытекла именно из общего суждения Моммзена о состоянии империи; однако последовательный ход событий, который привел к тому, что эта идея стала принципом римской политики, не был показан историком.

На возникновение у Моммзена идеи о бесполезности Армении для Рима оказало влияние и следующее обстоятельство. Рассматривая историю евфратской военной границы, Моммзен был вынужден выйти за пределы империи и дать общую характеристику царства Арсакидов и монархии Сассанидов. Моммзен сделал при этом первую попытку посмотреть на римско-парфянские отношения с парфянской стороны. Он считает, что Армения была по существу частью Парфии. Именно потому, что, по мнению Моммзена, Армения была чужда эллино-латинской городской цивилизации, все притязания Рима на нее оказались неудачными. Это также приводит Моммзена к выводу о бесполезности Армении для Рима, а затем это положение превращается у него в основной принцип парфянской политики Сенеки и Бурра.

Само соглашение с Тиридатом получило у Моммзена неясную и противоречивую оценку. По мнению историка, война «окончилась фактическим переходом Армении к парфянам с соблюдением должного уважения к более могущественной западной державе. Армения была более зависима от римлян под управлением признанной ими национальной династии, нежели под управлением тех царей, которые навязывались ей против ее воли» (V, 383). Из этих слов остается неясным, считал ли Моммзен зависимость Тиридата от Рима фактической или номинальной, а между тем именно этот вопрос повел к наибольшим разногласиям среди позднейших историков парфянской политики нероновского принципата.

Нужно полагать, что Моммзен склонялся скорее в пользу второго решения, поскольку он указывает на то, что начавшееся при Веспасиане систематическое превращение царств в провинции укрепляло оборону восточной границы (V, 437). Это было необходимо именно потому, что Рим отказался от всякого вмешательства в то, что происходит за Евфратом.

Основной вывод Моммзена о целях парфянской политики Сенеки и Бурра, несмотря на то, что он не соответствует действительности, стал господствующим в науке. Он лег в основу построений Гендерсона и Шура, которые являются представителями двух точек зрения на парфянскую политику нероновского правительства; в оценке этой политики их разделяет вопрос о внутреннем смысле соглашения с Тиридатом, получивший столь неопределенное решение у Моммзена: Гендерсон считает зависимость Тиридата от Рима номинальной, Шур—фактической.

Следующую непосредственно за Моммзеном ступень составляют работы Гендерсона. После ряда специальных статей¹ последний выпустил в 1903 г. свою основную монографию², в которой он выступает как продолжатель Шиллера³ в изучении внутренней политики Нерона и Моммзена—в изучении внешней. На основную работу Гендерсона оказало влияние апологетическое направление, хотя и в наиболее умеренной его форме. Если Гендерсон и говорит, что он не стремится к «оселению» Нерона, но лишь желает представить жизнь и правление этого принцепса в новом освещении (H e n d., стр. XIV), то общий недостаток всего направления—преувеличение роли

¹ H e n d e r s o n, Chronology of the Wars in Armenia A. D. 51—63, CR, XV (1901), стр. 159—165, 204—213, 266—274; Controversies in Armenian Topography, JPh, 1903, стр. 99—121, 271—286.

² H e n d e r s o n, The Life and Principate of the Emperor Nero, 1903.

³ Немецкий ученый второй половины XIX в., один из представителей так называемого апологетического направления, пытавшийся защитить Нерона от нападок сенаторской историографии.

личности—сказался и на нем. Отмечая процветание империи при Нероне, он говорит: «что, если он оказался бы жестоким и беспутным, даже, если вы хотите, в конце своей жизни тираном, убийцей, доморожденным негодяем, однако со всем этим дельным правителем, способным избирать хороших слуг, солдат и наместников...?» (стр. 15). Автор при этом не замечает, что господство тех или иных социальных группировок и действие государственной машины в успешном решении правительственных задач гораздо важнее личности самого монарха.

Одной из положительных сторон Нерона является, по мнению Гендерсона, его искусная внешняя политика (стр. 14, 75—6,223, 422). Гендерсон берет у Моммзена его основное положение—то, что римское правительство с самого начала хотело отдать Армении Тиридату,—но разбирает более обстоятельно возможные цели армянской политики Нерона и пути их достижения. Гендерсон намечает четыре способа разрешения армянского вопроса: 1) оставление страны парфиянам, которое требовало очень значительного увеличения войска, поскольку Малая Азия и Сирия становились легко доступными для удара из Армении, и противоречило настроениям общества; 2) превращение Армении в провинцию, которое принудило бы оставить там крупные силы и потребовало бы присоединения Месопотамии и Ассирии, ибо без этих стран обладание Арменией не было бы прочным; 3) политику действительного и 4) номинального «сюзеренитета». Август избрал третий путь, Нерон—четвертый (стр. 157—161). Таким образом, Гендерсон дал четкое определение внутреннего смысла соглашения с Тиридатом, признав зависимость армянского царя от Рима номинальной. Однако понятие номинального «сюзеренитета» имеет у Гендерсона отвлеченный характер; он не ставит вопроса о том, как соглашение 66 г. укладывалось в государственное право Рима и Парфии.

Хотя Гендерсон, в противоположность Моммзену, ставил своей задачей всестороннее изучение истории Рима при Нероне, внешняя политика и у него оторвана от внутренней. Несмотря на то, что он отрицает единство политики Нерона на всем ее протяжении, видя, в частности, в назначении Пета изменение планов правительства (стр. 182), и у него, как и у Моммзена, не сделано попытки возвести восточную политику нероновского принципата к интересам каких-либо социальных групп, в то время находившихся у власти. Только вместо Сенеки и Бурра все более выдвигается личность Нерона.

Таким образом, Гендерсон уточнил постановку первой проблемы, выдвинутой Моммзенем; кроме того он поставил и вторую проблему восточной политики нероновского принципата—вопрос о северо-восточном ее направлении. Наступление против аланов он вводит в рамки черноморской политики Нерона и связывает с ним превращение Понта в провинцию и изменения в положении Боспора (стр. 226—7). Но и здесь, как и при изучении войн Корбулона, построения Гендерсона отличаются известной односторонностью, поскольку там он не стремится проследить самостоятельное развитие парфянской политики, здесь же не учитывает усилившегося в эти годы напора кочевников, который и подвинул римское правительство к решительным мероприятиям в этом направлении. В этом на Гендерсона, возможно, оказали влияние романоцентристские тенденции, характерные для ряда представителей буржуазной науки Запада.

В 1921 г. появилась статья Корнеманна¹, осветившая третью проблему восточной политики Нерона—ее юго-восточное направление. Этот вопрос был затронут уже Моммзенем; привлекая новые источники, Корнеманн пытается создать грандиозную картину политики империи в бассейне Индийского океана при Нероне. Преувеличенное представление о роли и значении торговли в античном мире привело Корнеманна к пристрастному истолкованию источников. Чтобы доказать, что стремление Нерона на юго-восток имело торговые цели, Корнеманну приходится прибегнуть к целому

¹ K o r n e m a n n, Die historischen Nachrichten des Periplus Maris Erythraei über Arabien, «Janus», I, 1921, стр. 55 сл. (цитируется по Schury).

ряду натяжек. Корнеманн считает, что назначением эфиопского похода было подавление Аксума, который грозил стать соперником империи на южных торговых путях, и что проникновение римлян в южную Аравию (стр. 64—5) преследовало те же цели, Утверждая, что царь химьяритов Харобаэл находился в зависимости от Рима, притом фактической (К о г н., 60 сл.), Корнеманн видит доказательство этого в эпитете «друга императоров», прилагаемом к этому царю (P s.-A г г., Рег., 23). Между тем с таким же успехом Корнеманн мог бы предположить, что и Индия находилась в зависимости от Рима, так как послы оттуда приходили к Августу просить его дружбы. Далее Корнеманн отыскивает следы римлян в Сабее и Хадрамауте (стр. 62—3). Если в перипле говорится, что на острове Диоскурида находится какой-то гарнизон и что этот остров сдан кому-то на откуп, то Корнеманн сразу предполагает, что речь может идти только о римском гарнизоне и римском правительстве в качестве купца (стр. 77). Возникновение всех этих римских опорных точек в Аравии Корнеманн относит ко времени Нерона, не имея достаточных на то оснований. К этой же эпохе восходит, по Корнеманну, и возникновение прямых сношений с Индией, что он (стр. 56—61) выводит из сравнения сообщений П л и н и я (VI, 101—106) с данными перипла вопреки точному свидетельству Ст р а б о н а (II, 5, 12; XV, 1, 4; XVII, 1, 13), от которого он освобождается филологически неправильным толкованием. К тому же, и самая датировка псевдоэрифанова перипла Эритрейского моря, который Корнеманн относит ко времени Домициана, представляется сомнительной. Таким образом, концепция Корнеманна покоится на неправильных теоретических предпосылках и произвольном истолковании источников.

Попытка обобщения трех проблем восточной политики Нерона и построения цельной картины принадлежит Шуру¹. Работы Шура оказали чрезвычайно значительное влияние на историографию: исследователь восточной политики Нерона не может обойтись без критического разбора его концепции. Поэтому взгляды Шура заслуживают более подробного рассмотрения.

Главной задачей своей работы Шур считает доказательство единства восточной политики Нерона (S c h u r, 5) и особенно исследование политики последних лет этого императора (стр. 108; «Klio», XX, 215), до него мало освещенной в науке. Шур не вполне ясно определяет, что он разумет под этим: то он ограничивает единство парфянской политикой (стр. 4; «Klio», XX, 215), то распространяет его шире и говорит о сходстве юго-восточной (S c h u r, 57) и северо-восточной (стр. 67) политики Нерона между собой и с политикой по отношению к Армении. Под своим главным тезисом Шур в основном подразумевает то, что политика Нерона на всем ее протяжении руководилась одинаковыми целями, которые сводились к укреплению и расширению римского влияния на Востоке.

В изображении парфянской политики Нерона Шур исходит из положений Моммзена, что Август стремился обеспечить оборону восточной границы при помощи господства в Армении через римского ставленника на ее престоле и что политика Сенеки и Бурра, с самого начала хотевших отдать Армению Тиридату, была полным разрывом с традициями Августа. Однако планы «правителей императорской юности» Шур вслед затем превращает в единую цель парфянской политики всего нероновского принципата. Шур берет у Гендерсона острую постановку вопроса о фактическом и номинальном «сюзеренитете», но отвечает на него отлично от своего предшественника; зависимость Тиридата от Рима была, по его мнению, фактической (S c h u r, 4). Этим самым Шур перекидывает мост от парфянской политики Нерона к юго-восточной и северо-восточной.

¹ S c h u r, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923; Untersuchungen zur Geschichte der Kriege Corbulos, «Klio», XIX, 75—96 (источниковедение и хронология); Zur neronischen Orientpolitik, «Klio», XX, 215—222 (ответ на рецензии); Die orientalische Frage im römischen Reiche, NJWJ, II, 3, 1926, стр. 270—282 (общий обзор от возникновения римлян на Восток до победы христианства).

в которых, по его мнению, проявляется упорное стремление нероновского правительства к экспансии на Восток. Только определяя зависимость Тиридата от Рима как фактическую, Шур, может устранить важное противоречие, состоящее в том, что нероновское правительство, несмотря на свое неуклонное стремление к экспансии, отдало Армению царю из дома Арсакидов. Изображение юго-восточной политики у Шура восходит, в основном, к Корнеманну: Шур развивает некоторые его положения, но зато более осторожно высказывается о других. Изложение северо-восточной политики более оригинально: Шур берет с некоторыми изменениями положение Гендерсона об единстве понтийской политики Нерона и дополняет его собственными изысканиями о цели замышлявшего Нероном кавказского похода, о внутреннем положении Парфии в связи с римской политикой на Востоке и о транскаспийском шелковом пути. Таким образом, три проблемы восточной политики нероновского принцепата, заложенные предшественниками Шура, объединяются у него в неразрывное целое, проникнутое идеей единства восточной политики Нерона. Причиной постоянного стремления нероновского правительства к расширению римского влияния на Востоке Шур считает упорное нарастание эллинистических тенденций, под которыми он подразумевает культурное преобладание эллинизма в античном мире.

Стремясь доказать свой основной тезис, Шур вынужден насильственно приспособлять к нему данные источников. Говоря о том, что «...нероновское правительство во всех областях восточной политики оставило традиционные пути» (стр. 5), Шур возводит во всеобщий принцип разрыв с традицией, который виден только в некоторых действиях нероновского правительства в конце правления Нерона, и, таким образом, получает желательную для себя картину.

Так, например, рассматривая парфянскую политику нероновского правительства, Шур изображает ее как последовательное выполнение предначертанных замыслов. Ее основной целью, по мнению Шура, является превращение Тиридата в царя фактически зависимого от Рима. Отсюда он заключает, что римский ставленник Тигран был временным заместителем Тиридата и что возврат к политике Августа был только кажущимся (стр. 13, 15, 20, 32). Во всех действиях Корбулона Шур усматривает наличие законченного плана наступательной войны (стр. 21, 24—25): доказательством этого он считает помещение гарнизона в Тигранокерте (стр. 13) и вознаграждение союзных царей за счет Армении (стр. 15). Тигран вторгается в Адиабену по приказу Корбулона (стр. 19—20; «Кlio», XX, 216). Военные приготовления Корбулона, когда в ответ на опустошение Адиабены парфянские силы во главе с Вологесом появились на границах империи весной 61 г., имеют, по Шуру, наступательный смысл (S c h u r, 21, 24, 25). Корбулон летом 61 г. собирается вторгнуться с тремя легионами по пути Красса в Месопотамию (стр. 21), очевидно для того, чтобы найти там вторые Карры. Договор 61 г., по которому Вологес должен был отправить послов к Нерону просить Армению для Тиридата, заключается Корбулоном якобы согласно стремлениям тогдашнего правительства (стр. 15; 23; «Кlio», XX, 216), а то, что он был отвергнут в Риме, объясняется не коренным различием взглядов на армянский вопрос между Корбулоном и правительством, которое в это время уже замышляло превращение Армении в провинцию, а необходимостью поддержать предварительно славу римского оружия (стр. 15, 32). Назначением Пета, посланного на смену Корбулону, Шур считает не превращение страны в провинцию, а продолжение римской политики: Пет намеревается завоевать Армению в тяжелой борьбе против всех парфянских сил для того, чтобы отдать ее Тиридату, и действует по плану Корбулона (стр. 24—5). Договор Пета, условия которого в основном аналогичны условиям 61 г., по Шуру, соответствует целям правительства, хотя из Тацита совершенно ясно, что предложение парфянских послов весной 93 г., опиравшееся на этот договор, было неожиданным для Нерона (стр. 18). В таком же духе рассматривает Шур и дальнейший ход событий вплоть до изгнания Тиридата в Рим.

Продолжая доказывать свой основной тезис, Шур полагает, что, отдавая Армению царю, связанному с Парфией узами родства, Рим получал фактическое господство в стране («Кlio», XX, 216). Следствием таких отношений между Римом и Арменией,

основанных на союзе с Парфией (стр. 4, 31, 81) должно было быть, по мнению Шура, постепенное подчинение Риму всего Ирана. Идея фактической зависимости Армении от Рима не покоится на определенном свидетельстве источников, а привносится Шуром со стороны для доказательства единства парфянской политики Нерона с юго-восточной и северо-восточной. Поэтому и вытекающие отсюда соображения Шура о «мирном проникновении» (стр. 36) в Парфию представляют собой только домыслы автора.

Ту же идею единства восточной политики Нерона Шур развивает и дальше, говоря об ее юго-восточном и северо-восточном направлениях. Единство юго-восточной политики Нерона Шур полагает в том, что она преследовала далеко идущие цели расширения римского влияния на Востоке. В аргументации этого положения Шур, в основном, следует за Корнеманном. Шур берет у Корнеманна положение о том, что Аксум захватывает Баб-эль-Мандебский пролив и угрожает римской торговле с Индией (стр. 4, 17, 35, 40, 43, 48, 57—8) и что давление Аксума при помощи установления протектората над Мерое и восстановления старой торговой дороги по Нилу является целью неронова эфиопского похода (стр. 60), далее Шур заимствует у Корнеманна мысль о проникновении римлян в Аравию (стр. 5, 17, 40, 48, 52, 58) и о том, что торговля с Индией при Нероне переходит в руки государства (стр. 5, 51). Все это Шур пытается привести в связь с парфянской политикой Нерона: проникновение в Аравию Шур стремится приурочить к перерыву борьбы с Парфией около 60 г. (стр. 7, 17, 40, 59). Римская охрана, сопровождавшая гирканских послов, имела, по мнению Шура, своей задачей исследование торгового пути через Пальмиру к Персидскому заливу (стр. 17, 58), а по выяснении его непригодности правительство обращается к южной Аравии (стр. 59). Все эти положения не находят достаточного подтверждения в источниках.

Разбирая северо-восточную политику, Шур опять-таки стремится провести свою основную мысль об единстве восточной политики Нерона. Главной целью северо-восточной политики римского правительства Шур считает окружение Парфии с севера цепью зависимых государств (стр. 40, 66). Союз с Гирканией (стр. 35—6) и замышляемое покорение албанов (стр. 66; 91; «Klio», XX, 217; NJWJ, II, 3, стр. 270) являются, по мнению Шура, осуществлением этой цели. Шур поставил в связь с римской политической внутренней обстановкой в восточном Иране. В Парфии в I в. происходит борьба двух начал: восточного—полу-скифского и западного—эллинизированного¹. Представителями первого являются гирканы, которые восстали в начале правления Вологеса (стр. 8, 17, 35, 72) и заключили союз с Римом, означавший, по мнению Шура, включение их в римскую клиентелу (стр. 35—6). Шур считает, что именно из союза с Гирканией для Рима возникает возможность постоянного давления на Парфию (стр. 81). Здесь у Шура проявляется его обычная тенденция изображать зависимость восточных государств от Рима как фактическую: Шур верит, что гирканы, послы которых для того, чтобы вернуться на родину, были вынуждены сделать длинный обходный путь вокруг парфянских владений по Сидрийской пустыне и Персидскому заливу, находились в действительной зависимости от Рима. Вполне понятно, что зависимость была в этом случае столь же условна, как и в отношении царя химьяритов Харибазла. Говоря о намеченном покорении Албании, Шур отождествляет Каспийские ворота с Дербентом, а не с Дарьялом (стр. 62, 67), предпочитая следовать Тациту, вопреки свидетельству Плиния. Таким образом, Албания и Гиркания, по мнению Шура, должны были охранять римские интересы на севере Парфии.

В рамки северо-восточной политики Нерона Шур ставит и взятую им у Гендерсона, картину понтийской политики этого императора, ограничение самостоятельности Восточного Боспора и присоединение Понта, причем в дальнейшем, по мнению Шура, предполагает-

¹ Schur, 72, 74. В этом отношении Schur находится в зависимости от Kießlinga (Hugania, RE, IX, 507), у которого, вопреки словам Schur'a (стр. 73) имеется уже идея туземной реакции против эллинизирующихся Арсакидов.

ся восстаповление в виде прокураторской провинции старой державы Митридата от Фракийского до Киммерийского Боспора (стр. 93). Однако отождествляя Каспийские ворота с Дербентом и доказывая, что предполагавшийся кавказский поход был направлен против албанов, Шур, сам того не замечая, разрушает столь упорно защищаемое им единство политики, ибо введение гарнизона из легионариев и другие перемены на Боспоре, очевидно, не могут иметь связи с войной на берегах Каспийского моря. Таким образом, северо-восточная политика Нерона даже в изображении самого Шура лишена внутреннего единства.

Вопрос о носителях нероновской политики также показывает несостоятельность основного положения Шура. Принадлежа к числу апологетов Нерона, Шур изображает его героем, который едет на Восток, «чтобы лично вести свою рать против врага» (NJWJ, II, 3, стр. 276), и сожалеет об его смерти, приостановившей исполнение великих замыслов. С другой стороны, Шур, вслед за М о м з е н о м (V, 274—5), преклоняется перед Сенекой и Бурром и возводит к ним все внешнеполитические планы нероповского принцепата (S c h u r, 58, 113; «Клио», XX, 217—8). В этом случае остается совершенно непонятной неизменность программы до самой смерти Нерона (стр. 218), ибо попытка выставить Петрония Турпциана и Офония Тигеллина последователями Сенеки и Бурра лишена всяких оснований.

В основе единой и целеустремленной политики Нерона на Востоке лежат, по мнению Шура, торговые интересы. Ими он объясняет поход в Эфиопию и провикновение римлян в южную Аравию. Индийская торговля, по мнению Шура, переходит в руки государства (стр. 5, 51). Союз с Гирканией также, как думает Шур, приносил торговые выгоды (стр. 35): Рим стремится захватить бактрийский шелковый путь (стр. 40, 60) с целью овладеть еще одной дорогой в Индию, независимой от парфия². Все эти предприятия имеют целью проложить римскому купцу путь к сырьевым районам Востока (стр. 60) и захватить торговлю с Индией в свои руки (стр. 40). Именно следствием мероприятий, проведенных правительством Нерона, Шур считает значительное укрепление торговых связей с Индией и их неуклонный рост вплоть до конца II в. (стр. 54, 57, 114). Таким образом, Шур вслед за Корнеманном приписывает Римской империи целеустремленную торговую политику современных капиталистических держав.

Основной тезис Шура неизбежно вытекает из того, что он по существу не видит разницы между древним миром и Европой XX в. Наряду с модернизацией экономических отношений Шур модернизирует государственную структуру Римской империи. Коренное отличие между античным и современным государством совершенно выпадает из поля зрения Шура. Неразрывная экономическая связь между отдельными областями, характерная для капиталистической формации, отсутствует в античности. Следствием этого является то, что в великих империях древности политическая централизация была несравненно слабее, чем в современных государствах. Отсюда вытекает ошибочность основного положения Шура. Обширная и рыхлая империя Юлиев и Клавдиев выступает у него, наделенная чертами современной европейской державы, концентрированной и централизованной, окраины которой ссидинены с центром железнодорожными путями и беспроволочным телеграфом. Римская империя, раскинувшаяся по трем частям света среди второстепенных по сравнению с ней государств и варварских народов, достаточно устойчивая в обороне, но не способная к упорному наступлению, представляется ему похожей на европейскую великую державу сравнительно небольших

¹ Впрочем, в своем ответе на рецензии Шур изображает Нерона иначе («Клио», XX, 217—9): единство политики—не в личности Нерона; окружение Нерона внушило комедянту Цезарю мысль о подражании Александру и диктатору Цезарю и толкнуло его на далекие предприятия.

² S c h u r, 67. Торговый путь из Индии в Бактриану и оттуда по Оксу, Каспийскому морю, Киру и Фасиду в Понт был исследован еще Патроклом, адмиралом Селевка Никатора и Антиоха Сотера. На взгляды Schur'a большое влияние оказал Н e r m a n n, обративший внимание на эту забытую дорогу (Kaspisches Meer, RE, X, 2290).

размеров, например Германию эпохи первой империалистической войны. Отсюда вытекает основное положение Шура, о том, что вся политика направляется из центра, что события на Востоке оказывают глубокое влияние на всю жизнь империи (стр. 39), что правительство действует по заранее намеченному плану и в строго обдуманной последовательности (стр. 43, 91). Отсюда же вытекает и то, что Римская империя, совсем как Германия в первой мировой войне, не может вести войны на два фронта и, развертывая наступление на Востоке, вынуждена прекратить все военные действия в Британии (стр. 16, 20), как будто войны, подобные походам Светония Павлина, империя не могла вести одновременно на всех фронтах. К тому же в языке Шура нередко попадаются сравнения, обороты и термины, заимствованные из практики и языка дипломатов и колониальных деятелей XX в., что легко ведет к искажению исторической картины¹.

Модернизации взаимоотношений экономики и политики в древности приводит к тому, что Шур не видит подлинных движущих сил внешней политики Рима. Рассматривая восточную политику Юлиев и Клавдиев в целом и выясняя общее направление восточной политики Нерона, Шур, вместо того, чтобы показать социально-политические основания внешней политики Рима, выдвигает, с одной стороны, торговые цели, а с другой—борьбу западного и восточного начал внутри империи. Переносит центр тяжести экономических отношений из сферы производства в сферу обмена, Шур приходит к неправильному заключению о значительном влиянии международной торговли на политику императорского правительства. С другой стороны, Шур говорит о борьбе эллинистического и латинского элемента внутри империи. Под эллинистическими тенденциями Шур подразумевает преобладание восточной половины империи над западной, выдвижение эллинов на высшие посты в государстве, перенесение центра тяжести внешней политики империи на Восток и потенциальное превращение принципата в монархию эллинистического типа. Так, Шур считает, что глава италийского гражданства в борьбе с эллинистом Антонием Октавиан стремится к подавлению эллинистического элемента в республике и именно потому отказывается от завоеваний (NJWJ, II, 3, стр. 273). Именно отсюда происходит, по мнению Шура, система Августа, который пытается обезопасить восточную границу при помощи господства над Арменией (стр. 1—3; NJWJ, II, 3, стр. 273) и союза с Парфией (S c h u r, 3; NJWJ, II, 3, стр. 274). Система Августа поддерживалась его преемниками, пока ориентированная, по мнению Шура, только на Запад политика Клавдия не привела ее к полному провалу (S c h u r, 3; 30—31; NJWJ, II, 3, стр. 275). Армения была захвачена парфянами. Нероновское правительство пренебрегло Западом (стр. 113); центр тяжести внешней политики переносится на Восток. Оно отказывается, по мнению Шура, от приемов Августа, сперва относительно Армении (стр. 3, 30), а потом в остальных областях восточной политики (стр. 31; 35—36); проявившееся при Нероне стремление к экспансии на Восток (стр. 57) Шур сопоставляет с нарастанием эллинистических тенденций. Именно эллинизм, играющий большую роль в восточной половине империи и скреплявший объединение зависимых царей вокруг Рима (S c h u r, 14), толкал Нерона на завоевания. Нерон постоянно выступает у него как наследник Александра и диадохов: его юго-восточная политика продолжала дело Птолемеев, а предприятия на Каспийском море—замыслы Селевка Никатора (стр. 81, 112—3). Превращение Парфии в зависимое государство было исполнением заветов диктатора Цезаря (стр. 113), во взглядах на которого Шур, видимо, зависит от известной монографии Мейера.

Однако, говоря об эллинизме, Шур рассматривает его, главным образом, как культурное понятие, не ставя вопроса об его социально-политической сущности. Имея ее в виду, Шур не стал бы утверждать, что оборонительная политика Августа была вызвана нежеланием усиливать эллинистический элемент в империи, поскольку именно

¹ Например, S c h u r, стр. 1: восточный вопрос; 4: взаимное признание интересов в Армении; 36: *penetration pacifique* Рима в Иран; 58: проникновение Аксума в Аравию имеет для Рима то же значение, что Италия в Албанию для Австро-Венгрии; 60: стремление римлян к сырьевым районам Востока и т. п.

правлящие слои греческих городов являются со времен Цезаря той силой, на которую опиралось римское господство на Востоке. Между тем дальнейшее провикновение Рима в земли арамейского и иранского населения, где, за исключением северной Месопотамии, не было полисов и где мало развито рабовладение сосуществовало с примитивными земельными отношениями, восходящими к доэллинистическому периоду, было действительно трудным для империи Юлиев и Клавдиев и оказалось не под силу даже Траяну. С другой стороны, именно стремление объединить вокруг себя весь античный рабовладельческий мир и защитить его отдельные части от движения варваров толкало Рим к наступлению на северных берегах Понта, к подготовке похода против аланов.

Работа Шура, несмотря на то, что при первом ознакомлении она производит яркое впечатление единством идеи и новизной взгляда, представляет собой шаг назад по сравнению с трудами предшественников. Новые положения Шура, не имеющие достаточной опоры в источниках, и пронизывающая всю работу буржуазная модернизация во многом извращает вопрос о восточной политике нероновского принципата. Позднейшим исследователям приходится начинать с преодоления концепции Шура.

Из новейших западных историков за Шуром отчасти следует Моммляно, один из соавторов «Кембриджской древней истории»¹. Однако Дессау и Омо (безусловно знакомый с Шуром)², не находясь в зависимости от него. Дессау, в частности, считает восточную политику Рима изменчивой и беспринципной³. Против положений Шура выступает также и другой из соавторов «Кембриджской древней истории» Андерсон. Он сомневается в римско-гирканском союзе (САН, X, 764), в намерении Нерона поддержать Мерое против Аксума, в том, что Нерон вообще хотел вести войну в Эфиопии, в тождественности двух восстаний, помешавших Вологесе оказать помощь Тиридату во время завоевания Армении Корбулоном⁴, а в специальном приложении подвергает взгляды Шура на юго-восточную и северо-восточную политику Нерона обстоятельному и справедливо строгому разбору (САН, X, 881—4).

В самое последнее время концепция Шура в отношении северо-восточной политики Нерона подверглась основательной критике в советской науке. В статье академика Я. А. Манандяна⁵ путем привлечения обширного материала исследований по истории и древней географии Кавказа совершенно по-новому ставится вопрос о последнем предприятии Нерона. Возражая Моммзену и Шуру, Я. А. Манандян не отождествляет Каспийские ворота с Дарьялом или Дербентом, но помещает их близ станционного пункта Каспия карты Певтингера, в районе нынешней Хоспии и города Ахалкалаки (стр. 73). Пункт этот расположен на меотидо-колхидской торговой дороге, имевшей, по мнению Я. А. Манандяна, в древности мировое значение (стр. 74). Я. А. Манандян выдвигает две цели подготовлявшегося Нероном кавказского похода: борьбу с аланами и приобретение римлянами контроля «над транзитным путем мировой торговли, идущим из Танаиса через Армению и Мидию в Среднюю Азию и Индию» (стр. 74). Таким образом, Я. А. Манандян ставит весьма важный вопрос о защите северо-восточных окраин империи против напора кочевников и о влиянии варварской периферии на судьбы античного мира. Я. А. Манандян здесь, как и в других своих исследованиях, подошел к проблеме с точки зрения самобытного развития соседних с Римом стран. Однако, критикуя Шура, Я. А. Манандян не подвергает разбору методологические предпосылки Шура, из которых вытекает вся его концепция. Отрицая значение транскаспийского торгового пути, Я. А. Манандян выдвигает вместо него меотидско-колхидскую магистраль; таким образом, преувеличение влияния торговых целей на римскую политику,

¹ Momigliano, Nero, САН, X, 1934, стр. 714.

² Omo, L'Haut-Empire, 1933, стр. 295.

³ Dessau, Geschichte der römischen Kaiserzeit, II, 1, 1926, стр. 188.

⁴ Anderson, The Parthian Pretender of A. D. 55, САН, X, 879.

⁵ Я. А. Манандян. Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода. ВИ, 1946, № 7 стр. 66—74.

характерное для Шура, не подвергается критике в достаточной мере: вместо этого один торговый путь заменяется другим. Между тем буржуазная концепция Шура должна быть решительно отвергнута. Наконец, вопрос о местоположении тех Каспийских ворот, к которым Нерон намеревался послать войска, нельзя считать решенным окончательно.

Предшествующее изложение имело целью показать несостоятельность тезиса о единстве восточной политики Нерона и вместе с тем существование ряда интересных проблем, выходящих за пределы этого специального вопроса. Прежде всего необходимо выделить основные направления внешней политики империи Юлиев и Клавдиев и дать им социально-политическую характеристику.

Одной из причин установления империи было то, что разросшимися владениями Рима нельзя было управлять при помощи средств, имевшихся в распоряжении города—государства. Политическая централизация средиземноморской державы способствовала укреплению государственной власти. Обновление римского правящего класса за счет аристократии италийских муниципиев и провинций и создание военно-бюрократического государственного аппарата раскололи надвое высшее сословие республики. Оппозиционное настроение старой знати и преклонение перед идеалами прошлого незаметным образом увлекло за собой также и многих новых людей; с другой стороны, вокруг императорской власти формируется новая знать, представляющая собой ее важнейшую социальную опору. Различие между этими двумя группировками определялось в первую очередь не происхождением, а политическими настроениями: сыновья италийских декурiones оказывались яркими противниками монархии, а знатные нобили входили в ближайшее окружение императора. Расширение империи укрепляло императорскую власть и требовало увеличения войска, а потому носители умерших идеалов республики были сторонниками последовательно охранительной политики. Эти тенденции являются преобладающими на протяжении второй половины правления Августа, всего принципата Тиберия и во время так называемого «пятилетия Нерона». С другой стороны, одновременно с нарастанием автократических тенденций и расширением римского правящего класса за счет провинциальной знати происходит некоторая активизация внешней политики. Это направление можно проследить при Гае, Клавдии и во вторую половину правления Нерона. То, что в армянском вопросе охранительное направление одержало верх, объясняется обстановкой, сложившейся на евфратской границе. Изучение изгибов внешней политики Рима на протяжении первого столетия империи должно показать, что на эту политику оказала влияние борьба внутри римского правящего класса. Такова первая проблема восточной политики нероновского принципата.

Эта проблема тесным образом связана с вопросом о состоянии восточной границы. До сих пор большинство исследователей восточной политики Рима при Нероне рассматривали эту политику в отрыве от той обстановки, в которой она протекала. Постоянные факторы римской восточной политики: состояние восточной границы, организация пограничных областей, военные силы,—не могли не оказывать глубокого влияния на внешнюю политику Рима. Известно, что и у Моммзена этот вопрос не получил достаточного освещения, поскольку он рассматривает каждую провинцию в отрыве от другой, так что не получается цельной картины римского Востока в то или иное десятилетие I в. А между тем так или иначе это было бы возможно сделать.

Особое внимание должны при этом привлечь зависимые царства, эти всеобразные инородные тела в пределах империи. Изучение эволюции этих государственных образований, властители которых были друзьями и союзниками римского народа, с одной стороны, и клиентами императора, с другой, должно многое высветить в особенностях восточной политики Рима. Самостоятельное развитие туземных народов Передней Азии, под плотной корою эллинистическо-римской цивилизации проявляется с наибольшей силой именно в этих зависимых царствах. С другой стороны, нельзя ограничиваться изучением внутренней истории Рима, его провинций и зависимых областей. Нельзя допускать чтобы восточные соседи Рима, изображались только в качестве пассивных объектов римской политики. Можно говорить не только о парфянской политике Нерона, но и о римской политике Вологеса. Попытки проследить самостоятельные судьбы

Парфии не удались буржуазным ученым Кисслингу и Шуру. Настоящее построение истории Парфии необходимо начинать с выяснения особенностей ее общественного строя, который не мог не оказывать глубокого влияния и на внешнюю политику Парфии.

В связи с изучением внутренней истории Армении и Рима и их взаимоотношений возникает весьма важный вопрос о внутреннем смысле положения, достигнутого венчанием Тирidata в 66 г. При этом важно выяснить, как соглашение 66 г. укладывалось в государственное право Рима и Парфии и какое влияние оказало оно на дальнейшее развитие римско-парфянских отношений.

Изучение юго-восточной политики нероновского принципата ставит, наряду с принципиальным вопросом о соотношении торговли и политики в условиях древнего мира, также и целый ряд более специальных задач—исследование стран, которые обычно не затрагиваются историками и древнего, и эллинистического, и средневекового Востока. А между тем образование раннеарабских государств, внутреннее развитие Аксума и Мерсе и их взаимоотношения с начинающей затухать античной цивилизацией должны составить особую и важную главу в истории древнего мира. Сношения Рима с Индией проливают свет на международные отношения и связи между самыми отдаленными областями древнего мира.

Северо-восточная политика Нерона для советских историков представляет специальный интерес, поскольку она касается территории, входящей в состав нашей страны. Середина I в. характеризуется усиленным напором кочевников на северные пределы античного и иранского мира, которые прорывают всдвинутые против них укрепленные границы в разных местах от Мезии до Парфии. Для защиты от этой кочевой волны Рим стремится охватить кольцом своих владений все берега Эвксинского моря, желая предохранить выступающие к северу форпосты рабовладельческого мира от поглощения их варварской стихией. Таким образом, дальнейшая разработка истории восточной политики Римской империи при Нероне представляет значительный интерес для советской науки о древнем мире а для того прежде всего необходимо было подвергнуть критике концепции буржуазных ученых.

О. В. Кудрявцев

Некоторые проблемы истории скифской культуры

(О книге Б. Н. Гракова, Скифы, Киев, 1947)

Между появлением небольшой книжечки Р о с т о в ц е в а «Эллиństwo и иранство на юге России» (1918) и до выхода в свет рецензируемой—тоже весьма небольшой и предназначенной для самого широкого круга читателей—работы Б. Н. Гракова лежит промежуток времени, равный тридцатилетию.

За этот период на русском языке не появилось ни одной новой обобщающей работы по истории скифской культуры¹, тогда как археологический материал продолжал непрерывно пополняться. Не прекращались и исследования в области различных частных проблем скифской археологии и истории—попытки нового рассмотрения темных вопросов скифского этногенеза, социального устройства, географии, быта и т. п., предпринимавшиеся иногда виднейшими учеными, из которых достаточно назвать Н. Я. Марра и С. А. Жебелева.

С тем большим интересом и с тем более высокими требованиями встречаем мы появление новой и долгожданной работы обобщающего характера по истории скифов, хотя бы и написанной в сжатой и популярной форме. С особенными надеждами вправе мы обратиться именно к этой книге, автор которой сам не мало поспособствовал накоплению

¹ Не считая известной книги С. В. Г о т ь е «Очерки из истории материальной культуры Восточной Европы», 1925, имевшей значительно более широкие рамки.